

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
«ТАШКЕНТ»
1 9 6 5**

Зильвия

ЖИВОЙ ДОЖДЬ
ЛИРИКА ●

Я ПОЮ ЗАРЮ

Поэты, наверное, не должны писать своих биографий. Стихи имеют свойство многое, если не все, рассказывать об авторе. Вероятно, мои читатели — я верю, что они есть у меня, иначе никогда не писала бы стихов — знают обо мне. Главное то, что я хочу написать здесь, — лишь дополнение к стихам.

Я родилась в Ташкенте. Это было почти 50 лет назад. Все было иным в то время, и город, конечно, был совсем не похож на нынешнюю узбекскую столицу.

Я помню наш маленький дом на окраине в путанице тесных, сдавленных дувалами, извилистых переулков. Помню дворик, настойчиво украшаемый моей матерью — женщиной удивительной душевной щедрости и чистоты.

Мне как-то уже приходилось писать о том, что в биографии моей мало героического. Подвигов, преодоленных трудностей, борьбы с мрачными законами прошлого на мою долю не досталось, и часто я ловлю в себе чувство, похожее на зависть, и относится оно к женщинам, почти сверстницам моим, которым понадобилось мужество, сила, неггибаемая стойкость, чтобы противостоять унижительным и страшным обычаям прошлого и победить.

Законы шариата низводили женщину до уровня бессловесного существа. И, вероятно, величайшим подвигом при этом было умение женщины отстоять свой душевный мир, свое человеческое достоинство и характер.

Моя мать была тихой и, как помнится мне, всегда

печальной женщиной. Но в ней не было рабской забитости. Тихая грусть была чертой ее характера, не больше. И в то же время мы, дети, знали, что наша мама — очень твердый и сильный человек. Она не умела ни кричать, ни наказывать. Но она могла убедить даже самого упрямого, самого непослушного, не повышая голоса, сохраняя выражение задумчивой печали в темных глазах.

Она была птицей с подрезанными крыльями — сейчас я хорошо понимаю это. Сколько песен и легенд знала она, как умела рассказывать и петь, как могла увлечь нас, детей, волшебной сказкой, которая каждый раз для нас звучала по-новому.

Кто погиб в ней? Поэт? Ученый? Не знаю. Но я уверена, что любовь к слову, творящему чудеса, раскрывающему мир, ведущему человека к прекрасному, заронила мне в сердце мать — простая женщина, никогда не выходившая за порог своего дома.

Она была такой же, как миллионы других узбечек, спрятанных за толстыми стенами дувалов в тесных ичкари, — женской половине дома, насильственно отторгнутая от мира бесправная затворница, лишенная всех человеческих прав.

Отец мой много работал, чтоб прокормить семью, и я помню, что мы всегда просыпались от веселого грохотанья. Под ударами деревянного молотка весенними громами перекатывался лист железа, и поэтому до сих пор звуки грозы напоминают мне о детстве, о руках отца, покрытых ссадинами, пахнущих железом. Он был литейщиком-жестянщиком, мой отец. Он брался за любую работу, никогда не уставал, ему нельзя было иначе: нас детей было в семье семеро. Я была шестой. Мне повезло. Когда пришло время учиться, в Узбекистане уже были новые, советские, школы. Они, правда, только-только открывались и едва нащупывали свой

путь. Все находилось в поиске— от нового алфавита до методов преподавания, и вероятно поэтому учиться было особенно интересно, хотя и трудно.

Я помню своих учительниц—совсем молоденьких девушек. Они всего на несколько лет были старше своих учениц. Они первыми откликнулись на призыв партии — сделать народ Узбекистана грамотным. Они не только учили грамоте, но и растолковывали новые советские законы, рассказывали обо всем, что принесла советская власть в города и кишлаки. И, слушая их, восхищаясь ими, я решила тоже стать учительницей. Так я стала студенткой педагогического техникума.

Техникум был женский. В те годы— они вошли в историю Узбекистана под названием «Худжум» — освобождение,— женским мог быть и магазин, и техникум, и клуб. Привыкшую к затворничеству узбечку невозможно было сразу же втянуть в широкий круг общественной жизни. Сначала из ичкари ее звали в общество ее товарок. Это тоже была школа: школа общения, защиты своих прав, самостоятельности. И в том техникуме, где я училась, мы готовились стать не только учителями, но и советскими людьми, отлично знающими свои права. Потом учеба в институте. Учеба у жизни.

Немалую роль сыграли в этом книги. Оказалось, что на свете есть неисчерпаемые клады мудрости и знаний, и мне не хватало времени, чтобы черпать и черпать оттуда. Я торопилась узнать все сразу. Навои и Пушкина, Хафиза и Шекспира, Байрона и Некрасова... Я читала запоем, и вскоре стала ловить себя на том, что думаю не привычными простыми фразами, а стихами...

Я вспоминала, где я прочитала звучавшие во мне строки, и не могла вспомнить. Я не могла поверить вначале, что стихи сочиняю сама. Это было удивительно и даже немного страшно.

Мне казалось, что поэзия — дар необыкновенный,

что умение слагать стихи — редчайшее свойство человека. И вдруг я сочиняю стихи сама! Я стала записывать строки, не оставлявшие меня. Я таилась от подруг, я считала невозможным показать написанное кому-нибудь. Только случай позволил мне напечатать первое стихотворение. Знакомые слова, напечатанные в газете, звучали совсем иначе. Под стихами стояло мое имя — и не верить этому было невозможно. Это случилось в 1932 году.

Человек, написавший и даже напечатавший стихи, — еще не поэт. Я тогда не знала этого. Я писала очень много. К счастью, я была застенчива и робка и не пыталась печатать написанное. Я продолжала учиться и вскоре смогла понять, что часто пишу неоригинально, повторяю известные литературные образы, пользуюсь уже найденными другими поэтами словами.

Вот почему первый мой сборничек (я назвала его опрометчиво «Страницы жизни», хотя мне в ту пору исполнилось всего 18 лет) был очень тоненьким: я собрала в него самое лучшее, безжалостно отбросив кипы исписанной бумаги. Редактор был еще строже, и это, конечно, не могло не отразиться на толщине книжки.

Вскоре жизнь подарила мне редактора еще более взыскательного и строгого. Огромным счастьем для меня как для человека, женщины и поэта было то, что десять лет — всего только десять! — я прошла по жизни рядом с Хамидом Алимджаном. Он погиб нелепо в самом расцвете своего яркого таланта и сейчас еще, через двадцать лет после его гибели, я ощущаю всю тяжесть этой огромной потери. Большой поэт, знаток родного языка и литературы, человек редкой трудоспособности и творческой дисциплины, удивительный организатор, обаятельный и душевно-щедрый с друзьями, непреклонный с недругами, Хамид Алимджан был не только моим мужем, отцом моих детей, но и старшим

товарищем, чутким наставником. У него я училась думать, работать, писать стихи.

Юности свойственна беспечность. Поэтами в молодости становятся легко. Лишь с годами начинаешь понимать, какое трудное бремя взваливаешь себе на плечи. Стихи делаются поэзией тогда, когда тысячи человеческих сердец признают их своими. И самое трудное — найти то свое, что интересно и близко не только поэту, но и читателю. Если читатель не заражен чувством и мыслью автора, поэзия не состоялась. Для пишущего стихи — это самое страшное.

От поточного метода производства стихов меня всегда спасают эти мысли.

За годы литературной работы, которой я занимаюсь вот уже 25 лет, у меня вышло 14 сборников стихов (я не считаю переводы на русский, таджикский, армянский, казахский, каракалпакский, китайский языки). Каждая новая книга мне дается труднее предыдущей. Но мне всегда она нравится больше прежней до той поры, пока не складывается новый сборник стихотворений. Бывает, что между книгами проходит не один год. Но упрекнуть себя в том, что время проходит даром, я не имею оснований.

Жизнь у меня сложилась так, что я никогда не занималась исключительно писанием стихов. Да я и не верю, что поэт должен только «творить», «сочинять».

Я была редактором художественной литературы в Государственном издательстве Узбекской ССР. С момента создания в республике женского общественно-политического и литературно-художественного журнала «Женщины Узбекистана» работала там вначале заведующей отделом, а с 1953 года — ответственным редактором.

Журнал «Женщины Узбекистана» выходит раз в месяц. Это не очень большая книжка, и может показаться, что выпуск ее — дело несложное.

И только журналист может понять весь объем в невидимой, спрятанной от глаз читателя работе, которая предшествует появлению очередного номера журнала.

Стоит войти в редакцию, как тебя уже захватил, ритм редакционной жизни.

День не пропал. Он обогатил сердце и дал много пищи для размышлений.

Я много поездила по свету. Я вспоминаю, как маленькой девочкой, уцепившись за выступ дувала, окружавшего наш дворик, подолгу глядела на снежные вершины гор, так четко обозначенные в ясный день.

— Что там, мама?— спрашивала я, показывая на голубовато-серебристые вершины.

— Горы, девочка!— отвечала мама.

— А за ними что, мама? Там живут люди?

— Не знаю,— отзывалась мама печально.— Откуда мне знать? Туда нельзя добраться: ты видишь, какие неприступные и холодные стоят эти горы.

Оказывается, не так они уж неприступны, горные вершины. Мне не раз приходилось пролетать над ними. И люди, живущие за горами, оказываются во многом похожими на нас.

Я была и в Индии, и в Египте, и на Цейлоне, и в Японии. Мне приходилось бывать в Китае, в Югославии и в Бирме...

Разнообразие мира, увиденное моими глазами, убедило меня в том, что есть вещи, единые для людей: стремление к миру, любовь к детям, вера в них, светлые надежды на будущее.

Мне вспоминается давняя поездка по штатам Индии, страны особенно близкой нам, узбекам.

Я писала из Индии деловой отчет для газеты, а получила «Мушайра» — стихотворение, мне очень дорогое, которое подвело итог не только индийским, но и многим другим зарубежным впечатлениям.

Мне хочется сказать здесь не только о счастье быть поэтом вообще, но о счастье быть советским поэтом.

Я имела возможность наблюдать и сравнивать. Ни в одной стране мира нет такого простора для работы, таких широчайших возможностей нести читателям плоды своих трудов, как у нас.

Среди книг, подаренных мне друзьями-поэтами за рубежом, есть изданные тиражом в 300, 500 экземпляров. Тысячный тираж — это предел! И еще, как правило, издатель — сам поэт, зачастую терпящий убытки, и немалые.

У нас, советских поэтов, — миллионы читателей. Книги, и в том числе поэтические сборники, у нас издают тиражом в десятки тысяч экземпляров. И их не хватает!

Можно ли трудиться не в полную силу, когда чувствуешь, что стихи твои нетерпеливо ждут, придирчиво читают, взыскательно оценивают.

Великое и трудное это — ответственность перед читателем.

Недавно в одном из избирательных округов Узбекистана меня выбрали депутатом Верховного Совета республики. Я с чувством глубочайшего уважения несу эти обязанности. И с каким трепетом и тревогой отправляюсь я на очередной отчет перед избирателями! Мне приходится вмешиваться и в вопросы быта, и решать вместе с другими депутатами дела общереспубликанского значения. А народ требует ясного отчета: сделано? проверено? решено?

Тут не отделаешься невнятной скороговоркой или пустым обещанием. Народ послал меня в Верховный орган власти, и я обязана свято выполнять его указы.

Подобное чувство испытываю я всегда и на читательских конференциях, независимо от того, где они происходят.

Бывает, приглашают тебя читатели городской библио-

теки или просят выступить на текстильном комбинате, или в колхозе где-нибудь в Самаркандской области. Не надейся, что колхозник будет к тебе снисходительней ташкентского книголюба. Он не хуже разбирается в поэзии, он знает множество строк наизусть, он укажет тебе и на неловкое сравнение, и на сломанный ритм стихотворения.

Счастливы поэт, имеющий такого читателя!

За рубежом нас, советских литераторов, часто упрекают в пропаганде. Я никогда не снимаю с себя такого обвинения. Я с гордостью сообщаю, что меня воспитал Ленинский комсомол, я член славной партии Ленина. Конечно, я веду пропаганду.

Ведь то, что я пропагандирую,— прекрасно! Я веду пропаганду за прекрасную жизнь на мирной счастливой земле. Я воспеваю советского человека, сбросившего с себя всевозможные путы рабства! Я говорю о будущем, которое будет еще лучше сегодняшнего счастливого дня. «Я пою зарю!» Именно так называется один из сборников моих стихов. И если все это называется пропагандой, то я и в будущем буду пропагандировать зарю, свет, надежду.

Я надеюсь, что у меня еще появятся новые книги, где героями будут новые люди моей родной земли.

Я знаю по себе, что без стихов — хороших стихов — жить нельзя. И если среди моих стихов найдутся такие, которые читатель возьмет с собой в жизнь, как берут в дорогу хлеб, если хоть одно мое стихотворение станет спутником человеческого сердца — значит все правильно! Значит и я, советский поэт, имею право быть счастливой. Ведь счастливым человека делает сознание, что он трудится не напрасно.

Возьмите мое сердце, люди! Я для вас пою зарю!

ЗУЛЬФИЯ

ЗДЕСЬ РОДИЛАСЬ Я

Здесь родилась я. Вот он, домик наш,
Супа¹ под яблонею земляное,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых улочек клубок;
Гранат в цвету над пыльною дорогой.
И в свежей сени рощи родничок —
Осколок зеркальца луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Весенние, в тюльпанах алых, степи
И белых хлопковых полей простор —
Для глаз моих полны великолепия.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открывала,
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила;

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,
Что здесь я, в тишине живых ночей,
Весенним водам тайну поверяла.

---

¹ Супа — глинобитное возвышение во дворе или в саду.

Когда в садах звенели соловьи
И расцветали пышные сунбули¹,
То с ними песни родились мои
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я Отчизне.
Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька улада жизни.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза:
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Когда ворвался враг в родной предел,
Творя смертоубийственное дело,
За каждый дом, который там горел,
Я жаждою возмездья пламенела.

Я верила, что светлый день придет —
Исчезнут эти тучи с небосвода,
И жизнь опять счастливо зацветет
Под солнцем правды, мира и свободы.

С надеждою в грядущее, вперед
Гляжу я зорче молодой орлицы.
И ярко предо мною предстает
В победном торжестве своем столица.

---

¹ С у н б у л и — гнацинты.

И, верою незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки.
Тебе, о мать, тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!

1942

САДОВНИК ДАЛЕКО

Когда я тебя провожала, любимый,
Стояли морозы. А нынче — весна;
В саду распускаются нежные розы...
А сердце с тобою, а сердце без сна!

Чуть солнце зардеется, в сад выхожу я:
— Скажите мне, розы, скажи мне, мой сад,
Где добрый садовник ваш, где он?! А розы
Раскроют бутоны и так говорят:

— Садовник далеко. Он там, где бушует
Метелица злая, где нету весны.
Он там, дорогая, он там защищает
Великое дело великой страны.—

Чтоб нивам сожженным, чтоб сломанным розам
Восстать, возродиться, расти и цвести,
Чтоб в дыме пожарищ мятущимся птицам
В гнездовья вернуться и гнезда сплести;

Чтоб ложь перед правдой смирилась навеки,
Чтоб девичьи очи не гасли от слез,
Чтоб юноша девушке нежные розы
Рукой, победившей врага, преподнес.

Он там, твой любимый, он там, где герои
За дело свободы сраженья ведут.
Так пусть же отважным героям народным
Их девушки розы свои отошлют.

И ты отошли нас в подарок герою,
Гонцами негаснущей страсти пошли,
Чтоб в непогодь злую, в лихую опасность
Любовью твоей мы его сберегли.

Чтоб нежностью нашей, чтоб нашим дыханьем
Дышать ему в тяготе дымных боев,
Чтоб львиная в сердце вливалась отвага,
Чтоб слава с ним рядом — на веки веков!

Вот так, на рассвете, я слушала речи
Цветов обновленных, и, сердце раскрыв,
Припала я к розам, тобою возвращенным,
Всю душу мою в поцелуй перелив.

1942

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Как я люблю тебя, о золотая осень!
Рассветный холодок, росой омытый сад,
Деревья, что глядят в темнеющую просинь,
Их пламенеющий обветренный наряд.

Как я люблю, когда оранжевого цвета
На землю упадет листвы сплошной ковер,
И девочки, набрав огромные букеты,
Глядят на их причудливый узор.

А горы все растут. То хлопковые горы,
Молочно-белые, в серебряной красе.
Пушинка улетит в янтарные просторы,
Повиснет невзначай на девичьей косе.

Как я люблю, когда, все небо заполняя,
Певучие дожди мешают мне читать,
И, словно ртуть, вода блистает ключевая,
И ласточки в гнездо влетают отдыхать.

Нет, не устану я глядеть на золотые,
На красные листы бессолнечной порой,
На черные стволы, округлые, тугие,
С блестящей от дождя намокшею корой.

Когда же вновь сверкнут лучи за облаками,
Нахлынет синева и радость вместе с ней,
А небо зашумит широкими крылами
Летящих солнцу вслед веселых голубей.

Как дышится легко... Ни зноя, ни пылинки,
На солнце сушит клен шелка одежд своих,
И капли круглые, дрожащие дождинки,
Переливаются на листьях золотых.

Как я люблю свои осенние долины,
Седые вечера и розы поутру,
Деревья, что стоят, как пышные павлины,
Свой разноцветный блеск роняя на ветру!

Последних листьев шум... Небес
открытых просыпь,
Нечаянный налет холодных ветерков...
Как я люблю тебя, о золотая осень,
Задумчивости дни, мгновения стихов!

1943

СЮЗАНЕ

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза.
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной, как радуга, блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор —
И розы, и райхон¹, и астра золотая
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охапки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане,
Иголки острое мне укололо руку.
Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги. И принесли разлуку.

---

¹ Райхон — цветок базилик.

И взял оружие ты окрепшею рукой,
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
— Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой!—
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзане.
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине
Во весь размах руки разматываю нитку.

И, словно сквозь узор, глядят глаза твои,—
И на шелку стежки — как строчки на бумаге.
И это сюзане — письмо моей любви.
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзане мы развернем узоры.
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг;
Он ярк, словно сад во время листопада,—
Замысловатое искусство женских рук —
Забава для тебя, а для меня — отрада.

1943

ФАРХАДОМ ЗВАЛСЯ ОН

I

Прозрачно небо. Ветер с гор
Долины освежил простор.
Вершины снежной белизна,
А у подножья гор — весна.

Среди утесов по тропе,
Навстречу солнцу и судьбе,
Мечтой о девушке объят,
Шел смелый юноша Фархад.

В его глазах — любви недуг.
Но где бальзам от этих мук?
Он среди гор, среди долин
Идет искать свою Ширин.

Волнением встречи дышит грудь,
Способен горы он свернуть.
В пустыне б, верно, сад расцвел,
Когда бы он Ширин нашел.

Тогда, водой напоена,
В сад превратится вся страна.
Фархад любимую найдет,
Он силы у любви берет.

Ширин придет, придет она,
Как в небо светлая луна.
И скажет: «Дал ты жизнь стране,
Ты стал, как счастье, дорог мне!»

О, если б видела Ширин,
Как он тоскует здесь один,
Она узнала бы, что он
Навечно с нею обручен.

Он пел о солнцеликой, той,
Что блещет дивной красотой.
Ему внимает горный край,
И вторит песне звонкий най.

И, этой песней опьянен,
Его мелодией пленен,
Неся прохладу, ветерок
В лицо джигита дул. Цветок —

Его у нас зовут райхон —
Раскрыл свой розовый бутон,
И в голубые небеса
Нежнейший запах полился.

Внимая песне, тростники
Качнулись в лад ей у реки.
Внимая песне, соловей
Забыл мгновенно о своей.

И, песню слушая, родник
Свой бег остановил на миг.
Когда Фархад влюбленный пел,
Весь мир, казалось, онемел.

И лань, готовая к прыжку,
Застыла вдруг. Свою тоску
Он в песню вылив, изнемог
И тихо на землю прилег.

И позаботились о нем
Цветы, роскошным став ковром.
Колючка на сухом песке
Желала стать цветком в руке.

И, как заря, в горах багрян,
Расцвел для юноши тюльпан.
Весь воздух, что звенел вокруг,
Желал унять его недуг.

Певец влюбленный замолчал.
И голос эха зазвучал:
— Тебя Фархадом нарекли
Во славу матери-земли.

Пусть это имя повторят
Леса и горы все: «Фархад!» —
Что означает с давних пор
«Великий победитель гор».

Чтобы свою Ширин найти,
Ты сроешь горы на пути.
Смелей иди, гор властелин,
И ты найдешь свою Ширин!

...Аплодисментов мощный вал
Собой заполнил светлый зал.
Стоял артист, и торжество
Во взгляде было у него.

Опущен занавес. И вновь
Он поднят. Будоражат кровь.
Аплодисменты без конца,—
Цветы летят к ногам певца.

Стоял артист. Как был он рад,
Что людям по сердцу Фархад,
Что песня для людей как свет,—
Ему награды большей нет.

И долго, долго не стихал
Искусством покоренный зал.

II

Жизнь, как долинная весна,
Была безоблачно ясна.
Пестрели на лугах цветы,
Смеялось солнце с высоты.
Под этим солнцем жил народ,

Смотря уверенно вперед.
Но, небо счастья затемнив,
Весну в ненастье превратив,
На родину напал фашист...
Тревогу протрубил горнист.

И пожилой, и молодой
С оружием встали в грозный строй.
Ни сил, ни жизни не щадя,
И день и ночь бои ведя,
Мы шли к победе. Хлопкороб,
Простой рабочий, землекоп,
Художник — все богатыри,
И среди них — Кабул-кари.

Искусству он сказал: «Прощай!»
И в бой пошел за отчий край.

III

Кабул-кари пришел в себя.
Глаза сиянием слепя,
Стояло солнце в вышине.
Он поразился тишине.

Лежал он в поле недвижим,
Его оружие — рядом с ним,
И, как струна, напряжена,
Давила уши тишина.

Вот, пронизав его насквозь,
Дыханье боя донеслось.
Он поднял голову, взглянул,
И взгляд в просторе утонул,
Степная Украины даль
Лежала, как сама печаль,
И канонадой ухал фронт,
И весь в огне был горизонт.

Где ни ступил проклятый враг —
Разграблен дом, разбит очаг,
Пускай же жала пуль моих
Разят врагов, находят их!
О месть святая! Ты бойца
Зовешь бороться до конца.
Но ранен я. Я не могу
Идти вперед и мстить врагу.

Бессильный, должен я лежать,
Мне автомат не удержать:
Огонь мою сжигает грудь.
Я продолжать не в силах путь.

Но сердце — хочет жить оно
И жаждою борьбы полно.
И ослабевшая рука
К оружию тянется, пока
В сознание я... Ты прочь, слеза!
И гневом ожили глаза.
Кабул-кари еще живет,
Еще душа его поет:

«Отчизна милая моя.
Мои родимые края!
Чтобы свободу отстоять,
Чтоб водворился мир опять,
Проявим мужество в борьбе,
Отчизна, я служу тебе!
Во имя солнца над тобой
Готов идти я снова в бой»

И к солнцу устремил свой взгляд
Кабул-кари, герой Фархад.
Уже кончался сил запас,
Казалось, он уснет сейчас.

Он в небо чистое глядел:
Прозрачный воздух голубел.
И, словно в зеркале, он в нем
Себя узнал в краю родном.
И смерть, что рядом с ним была,
На шаг послушно отошла.

Увидел он Узбекистан,
Друзей и щедрый дастархан,
Знакомый двор, старушку мать —
Ему ее не обнимать.

В атласном платье, как заря,
Его улыбкою даря,
Навстречу, радости полна,
Идет любимая жена...

Себя на сцене видит он:
Стоит он, рампой озарен,
Фархадом, в муках о любви,
С огнем в глазах, с огнем в крови.

Он видит горы, что крушил,
Весь край родимый, где он жил,
Весь мир, что был на счастье дан,
Любимый свой Узбекистан.
И ощутил он сил прилив:
«Я в бой пойду! Я буду жив!»

Душа огнем опалена,
Его к себе зовет война.
Руины черные сквозь дым
Плывут в молчанье перед ним.
Поля пшеничные в огне,
И тучи дыма в вышине.
Пожары — их теперь не счесть —
Все говорят: «Священна мсть!»
И долетает издали
Тяжелый, долгий стон земли.

Он ясно видит пред собой
Своих друзей, идущих в бой,
И, как под натиском атак,
На запад покатился враг,
Как с красным знаменем вперед
Победа гневная идет.

Он медленно глаза смежил,
Себя спросил он: «Как я жил?»
На сцене я Фархадом был,
Искусство я, как жизнь, любил,
Мне сцена словно дом родной,
А песнь была б моей сестрой.

Когда разгромлен будет враг —
Я знаю, это будет так, —
С тобой я буду, мой народ,
А кто с тобой — тот не умрет!

* * *

Река спокойная течет,
Арча зеленая растет
На берегу. В тени ветвей
Могила. Надпись есть на ней:

«Лежит здесь тот, кто пал в бою, —
За жизнь он отдал жизнь свою —
Герой-боец Кабул-кари».
При свете утренней зари
Здесь шепчут травы. Ветерок
Качает розовый цветок —
Райхон у нас его зовут.

Навечно здесь нашли приют
Напев Лейли, тоска Ширин.
Спокойно спи, Отчизны сын!
Луна с заоблачных высот
Серебряные слезы льет.
Она заходит, говоря:
«Заря! Скорей взойди, заря!».

1943

ПРИЗНАНИЕ

Ты отважен, юноша правдивый,
Полюбив, ты втайне не горишь.
Черноглазый мой, красноречивый,
О любви мне первый говоришь.

А свою любовь я в сердце скрыла,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтала
Тайный пламень сердца моего.

И любви закованное слово
Из горящих уст моих рвалось,
Но молчать решила я сурово,—
Пусть бы мне погибнуть довелось!

Я не знала: ты любил ли прежде?
Я не знала: ты другой любим?
Я не знала: верить ли надежде?
Я не знала: будешь ли моим?

Думала я: не велит обычай
Первой разговор любви начать.
Он — клеймо на чистоте девичьей!
Но теперь я не могу молчать.

Долго я в себе искала силы,—
Силы не нашла сильнее любви,
Я люблю тебя, волшебник милый,
Душу мне любовью оживи!

1943

ЗВЕЗДА

Как душно в комнате! Я выхожу во двор,
И светит мне звезда в тумане теплой ночи.
Я знаю этот свет. Я помню этот взор:
Да это же твои глаза глядят мне в очи!

Звезда, далекая и яркая, как ты,
Так пристально глядит, как будто утешая,
Как будто говорит мне тихо с высоты:
«Подруга, я с тобой, с тобой любовь большая».

1944

ПРИШЛА ВЕСНА, СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ

Хамиду Алимджану

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Все — от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурей, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?»
Но нет у горя добрых слов,—
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: «О чем?»,
Склонилась над ребячьим сном.

Моих детей, твоих детей.
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться:

«Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?»

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвести,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?»

Дай руку мне... Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

1945

МОЯ ПЕЧАЛЬ, ТВОЯ БЕДА...

В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня,—
Моя печаль, твоя беда.

Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищу тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.

Могу ли стать спокойней, сдержанней?
О, почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженной.
Тем больше горя нам несешь?

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней,
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

1945

* * *

Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне нужен ты!
Поговорю с тобою, посижу я.
Давно ли ты, мой друг, мне приносил цветы?
Теперь к тебе с цветами прихожу я.

Забывать ли дни любви, горенья и труда!
Теперь ко мне навстречу ты не выйдешь.
Лишь радость видел ты в моих глазах всегда.
Теперь ты даже слез моих не видишь.

1945

ЗАЦВЕЛ УРЮК

«Зацвел урюк наш у окна»,—
Так ты писал, когда был жив.
Урюк цветет. Живу одна,
На сердце камень положив.

О, если бы могли года
Огонь разлуки погасить!
В изнеможении сюда
Пришла свиданья я просить.

Протосковавши вечер весь,
Опять в знакомый дом вошла,
Одна заночевала здесь,
Где я с тобой вдвоем жила.

Рекой добра и теплоты
Здесь наша молодость текла.
Здесь счастье было. Здесь был ты.
Здесь я тобой полна была.

Здесь в доме каждый уголок
Напоминает ночи те,
И прежней песни уголек
Нет-нет и вспыхнет в темноте.

Здесь, глядя в милые черты,
Притихнув, молча я ждала,
Пока стихи допишешь ты
И оторвешься от стола.

Здесь ты их первой мне читал:
Ты, я, и больше никого...
И поднимал глаза, и ждал
С немым вопросом: «Каково?»

В безрадостных своих ночах
Запомню до седых волос,
Как нежен был и величав
Тот, с кем так мало жить пришлось.

Горжусь, что ты писал при мне.
Пусть каждая строка твоя
Давно завещана стране,
Но первой слушала их я.

До смерти не забуду — нет! —
Тех прежних, тех счастливых нас.
Уже зарозовел рассвет,
Так и не дав сомкнуть мне глаз.

Твой голос, как глухая боль:
«Зацвел урюк наш у окна...»
И со свидания с тобой
Опять я ухожу одна.

1945

НАВСТРЕЧУ

Потупившись, идет по пыльному Ташкенту
Средь праздничной толпы суровая вдова...
Старушка на букет повязывает ленту,
И пахнет розами густая синева.

Знамена алыми струятся парусами,
Колышется людской взволнованный прибой,
И арбы, крытые пунцовыми коврами,
И гулкие авто спешат наперебой.

К вокзалу все спешат, пылая нетерпением,
И плача, и смеясь, и вороша цветы...
Вдова глядит им вслед. И горестным смятением
Искажены ее спокойные черты.

И входит в дом она, где в теплых бликах солнца
Глазами строгими глядит навстречу ей
Большой портрет того, кто с битвы не вернется
И не осветит дом улыбкою своей.

Облита холодом внезапного страдания,
Как будто на портрет взглянула в первый раз,
Стоит она без сил и словно без дыханья,
И слезы крупные текут из черных глаз.

Они идут встречать... Чтоб встретиться с тобою,
Весь мир бы я прошла послушною стопою,
Я жизнь бы отдала счастливою рукою
За краткий миг один свидания с тобой...

О, как цветы цветут!.. Все горести и беды,—
Разлуки тяжкой мрак, давивший столько лет,—
Сгорели, сгнули в сиянии победы,
И воинов своих встречает наш Ташкент.

Они шагали в бой плечом к плечу с тобою.
Делили хлеб и соль, атаку и привал,
Они тебя родной засыпали землею,
Освободив село, где ты в сраженье пал.

Встречает их народ. А я, согнувши плечи,
Потухшие глаза от светлых прячу звезд,
Одна стою... Цветы и те цветут для встречи,
И даже птицы к ним летят из тихих гнезд!

Решимостью полна, в цветник она вбегает,
Хозяйкою идет по пояс меж цветов
И розы яркие по цвету подбирает,
Отряхивая пыль с румяных лепестков.

На площади толпа шумит веселым ливнем —
Подходит эшелон! Подходит он, смотри!..
...И женщина стоит, обняв рукою сына,
С охапкой красных роз, в сиянии зари.

1945

НЕВЕСТА

Пейте, гости!
Ешьте, что угодно.
Разве мало плова и вина?
Свадьба в нашем кишлаке сегодня.
Ярким светом ночь ослеплена.

Полная луна с небесной выси
Смотрит на невесту, чуть дыша,
Как блестит на тюбетейке бисер,
Как невеста нынче хороша!

Девушка и смущена, и рада,
С плеч спадают две косы тугих.
Смотрят гости, не отводят взгляда,
Смотрит зачарованный жених.

Песенка «Яр-яр» уже звучала,
Может, в третий иль четвертый раз,
Отражались в налитых пиалах
Сорок с лишним пар веселых глаз.

Поздно уж, но окна не закрыты,
Ярким светом залит новый дом,
Там сейчас походкой деловитой
Входят в круг невеста с женихом.

Шире круг!..

И молодые оба,
Окруженные со всех сторон,
Заплясали под напев рубоба,
Под хлопки гостей и бубна звон.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновенье это не спугнуть.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая,—
Хорошо по ней вдвоем идти!

Не смущайся, подними ресницы,
Счастьем быть ещё немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей.

В вашей жизни будет много света,
Много счастья...

Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И как пляска эта, молода!

1946

СИРЕНЬ

Сирень,

Сегодня в утреннем тумане
Я видела, как легкий ветерок
Своим прохладным шелковым дыханьем
Погладила каждый твой листок.

Ты шевельнулась, дрогнула листвою,
Бутоны превратились вдруг в цветы.
Так что же он сказал тебе такое,
Что расцвела, что засияла ты?

Я знаю, он пришел к тебе с приветом,
Который передал любимый друг.
Ты озарилась радостью и светом
Любви, не знавшей горя и разлук.

Ты замирала и качалась снова,
Ты долго ветерку смотрела вслед...
Когда же мне от друга дорогого
Счастливым ветер принесет привет?

1946

МЕЧТА

Как тебя ни гнуло б, ни клонило,—
Выпрямишься с прежней прямоюй,
Если есть в тебе живая сила,
Та, что называется мечтой.

Дом, в котором и двоим-то тесно,
Дом, в котором жизнь пустым-пуста,
Станет шире, чем простор небесный,
Если в нем пропишется мечта.

Сердце без мечты — без крыльев птица,
Но когда мечта к нему придет,
Заодно с вселенной может биться
Сердце, устремленное в полет.

Захочу — с мечтой, подругой смелой,
На вершине встречу синеву,
А глядишь, мечта — как лебедь белый:
С нею все моря переплыву.

Чуден мир, мечтой преображенный,
Труд природы, труд людских веков,
Ясно, благодарно отраженный
В зеркалах прозрачных родников.

Нам нельзя мечту переупрямить,
Ведь мечта сильнее всех светил.
И того приводит нас на память,
Кто из памяти не выходил.

Жизнь тогда рождается сначала —
Что ушло, то возникает вновь.
То, что я мечтою называла,
Назову по-новому: любовь.

Проницательнее светит разум,
И яснее времени поток:
Пыль дороги кажется алмазом,
В каждом камне вижу я цветок.

Каждая былиночка прекрасна;
Все, что дышит и живет кругом,
Жаждет и настойчиво и страстно
Стать моим трудом, моим стихом.

Сны, что приходили к изголовью,
Властно оживают наяву:
То, что называла я любовью,
Ныне вдохновеньем назову.

А в душе то робость, то отвага,
И со мной до самой темноты
Карандаш и белая бумага —
Светлое оружие мечты.

1947

НА МОСТУ

В прохладный вечер на мосту
Горят две пары глаз...
И, освещая высоту,
Сверкают, как алмаз.

Раздвинул месяц облака,
Потупил жаркий взор
И слушает издалика
Чуть слышный разговор.

«Хоть верь, подруга, хоть не верь,—
Так юноша твердит,—
Но для меня весь мир теперь
В тебе единой слит».

Он ждет ответа. Но в ответ
Струится тишина.
А девушка — ни да, ни нет
Не говорит она.

«Боишься ты моей любви?
Кто огорчил тебя?
Скрывать огонь в своей крови
Кто научил тебя?»

Он ждет ответа. И звезда
В ручье отражена.
А девушка — ни нет, ни да
Не говорит она.

«Скажи, что любишь, мой цветок,
А если слова нет,
Пускай хоть взгляда огонек
Заблещет мне в ответ!»

И месяц в облаке блестит,
Как в серебре алмаз,
Но тихо девушка стоит,
Не поднимая глаз.

Но вот взглянула. И очей
Уже не отвела.
Румяной красотой своей,
Как роза, расцвела.

В прохладный вечер над ручьем
Две пары глаз горят.
И звезды с месяцем тайком
Про счастье говорят.

1947

В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Тучи растаяли на небосклоне,
Тихо, светло, и дождя больше нет.
К солнцу протянуты сосен ладони,
В каплях — зеленый изменчивый свет.

Только что вымытый, полный сиянья,
Лес окружает меня красотой.
Хвои намокшей впиваю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.

Из красноватого камня ступени
На гору с берега речки ведут.
Хрупкие, бледные жители тени —
Здесь боязливо фиалки цветут.

Что мне дорога! Ступени оставив,
Я пробираюсь среди мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей.

Сосны все чаще, а небо все ближе,
И, окунувшись в небес бирюзу,
Издали речку певучую слышу,
Бархатный шелест долины внизу.

Тихо под ветром качаются сосны.
О, этот моря соснового шум!
Травы пахучие, светлые росы,
Крылья орлиные трепетных дум!

Нет, не напрасно искали поэты
Песен истоки в Кавказских горах.
Утро!

Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах.

1947

ДВЕ ПОДРУГИ

Розовеет синий край небес,
Всходит солнце на крутые горы,
Хлопка, вновь раскрывшегося, блеск
Затопил широкие просторы.
Раздвигая пышную листву,
По волнам зеленого прибоя
Девушки не ходят, а плывут,
Соревнуются между собою.

Хороша красавица Гульшан,
Сдержанна она и молчалива,
А подруга, бойкая Айша,
Своевольна, как поток шумлива
И порой остра на язычок...
Хоть подруги меж собой не схожи,—
Так они дружны, что волосок
Между ними проскользнуть не может.

И прилежно трудятся они,
Хлопка розы белые собирая.
Поле все покрылось в эти дни
Белизной от края и до края.
А над ними — алый небосклон,
Пробужденья голос соловьиный,
И коробочек чуть слышный звон,
И далекий шелест тополиный.

Выпрямив высокий, стройный стан,
Засучивши рукава по локоть,
Говорит Айша: «Смотри, Гульшан,
Как сегодня в поле много хлопка.
В дни войны с зари и до зари
Хлопок собирали мы да дети,
А теперь вот в поле посмотри!—
И джигиты за колхоз в ответе»...

В отдаленье тополей листва,
Как узор тончайший, серебрится...
Хлопка вороха подняв едва,
Двинулись к хирману мастерицы.
А хирман — все выше, все белей,
Словно снежная гора сияет.
На вершине, в пламени лучей,
В час полудня солнце отдыхает.

Зазвучавши где-то за горой,
Песня огласила поднебесье,
И, от солнца заслонясь рукой,
Девушка заслушалась той песни.
На подругу глянула Айша:
«Как поет! Как звонко и высоко!
И в труде — широкая душа,
И на фронте смелым был, как сокол,
Наш Камиль».

«Нет... это Туляган»,—
Торопливо молвила Гульшан.
«Эй, подружка! Что любовь
скрываешь?
Стуком выдают ее сердца...
Как же это ты не отличаешь
Голоса известного певца?»

Веселее вдоль рядка пошла:
«Ах, пришла бы к юноше удача,
Я вдвойне бы счастлива была...»

За работой спорой минул день,
За сердечным этим разговором;
Сумерки окутывают горы,
Как джиды причудливая тень.
Днем удачным табельщик доволен—
Полновесен хлопок, труд высок.
Девушки идут тропинкой с поля;
С гор летит навстречу ветерок.
Под луною в ручейке лучатся
Струи света сквозь просвет теней
Девушкам луна желает счастья,
Доброй ночи и веселых дней.

1949

СОЛОВЕЙ

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье ветвей,
Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Под луною разносится звонкая трель —
Соловьиная льется газель.

Ты постой, соловей. Ты не пой, соловей,
Дай свой голос попробую я...
Может быть, этой песне весенней моей
Улыбнутся сердечно друзья.
Я спою про счастливую долю мою.
Про любимую землю спою.

Ведь недаром шутиливо друзья соловьем
Называют счастливица-поэта.
Может, это и так, коль поем мы вдвоем,
Коль поем с соловьем до рассвета.
И плывет в лепестковую эту метель
Соловьиная наша газель.

1949

МОЕЙ ПОДРУГЕ

Сегодня на рассвете птицы пели,
Благоухали вешние цветы,
И на меня глаза твои смотрели —
Передо мной опять возникла ты.

Заря блеснула на сердечках почек,
Поднявшись над расцветшею землей.
Далекий путь зари из мрака ночи
Мне почему-то путь напомнил твой.

Совсем безлунной и совсем беззвездной
Была та ночь, откуда ты пришла.
В те времена всходило солнце поздно
И не давало света и тепла.

Но солнца свет проник в твою лачугу,
Придя из-за далеких гор и рек.
Тебе сказала Родина, как другу:
«Ты человек — живи, как человек!»

И ты впервые ощутила лето,
Свод неба ощутила голубой,
Глаза твои, отвыкшие от света,
Вдруг увидали мир перед собой.

И это было юности началом,
Началом жизни и путей больших.
В те дни заря впервые засверкала
Румянцем ярким на щеках твоих.

И ты вдохнула ветры полевые,
Ты в мир вошла, прекрасный и большой.
Он тоже увидел тебя впервые
Такой свободной, сильной, молодой.

О женщина, твоя дорога к свету
Была длиннее Млечного Пути.
И много горя на дороге этой
Тебе, мой друг, пришлось перенести.
Твоею красотой торговали,
Тюрьмою были отчие края;
Во мраке старой жизни погибали
Любовь твоя и молодость твоя.

Ты не жила, ты мучалась веками.
Но вот исчезла над тобою мгла,
И сильными, свободными руками
Ты горячо всю землю обняла.

Ты сеешь хлеб. Ты всходишь на высоты.
Ты у станка стоишь в цехах больших.
Ты смотришь ввысь и видишь самолеты,
И в небесах сама ты водишь их.

В науке и труде ты неустанна,
Ты говоришь о жизни, о мирах.
Ты все законы библий и коранов
Наукой жизни обращаешь в прах.
Твоя судьба безбрежна, словно море;
Чисты твои стремленья и дела.

И пусть в пути с тобой встречалось горе —
Пряма твоя дорога и светла.

Война тебя не смяла, не сломила.
Когда она пришла в огне, в дыму,
Ты мужа в путь-дорогу проводила,
«С победою вернись!» — сказав ему.

Пусть волосы твои украсил иней
Немного раньше срока. Ничего!
Ты молода, и в сердце не остынет
Огонь большого чувства твоего.

Я вижу, как полями и садами,
Где зацветают вишни и хурма,
Идешь ты, озаренная лучами,
Идешь ты, излучая свет сама.

И этот свет, как свет звезды далекой,
Летит за рубежи соседних стран,
И угнетенной женщине Востока
Он светит, проникая под чачван¹,

И свет доходит к ней сквозь мрак
проклятый,

Неся частицу твоего тепла.
И ждет она его, как ты когда-то
Во мраке ночи этот свет ждала.

1949

---

¹ Ч а ч в а н — сетка из японских волос, закрывающая лицо.

ДОБРОГО УТРА, ЛЮДИ МИРА

На белом листе бумаги— алая тень зари,
Потухли заката флаги, ночные зажглись фонари.
Открыто окно — и прохлада коснулась горячих рук...
Я слушаю шорох сада, на улице каждый звук.

Соседи сейчас отдыхают, засыпает сейчас детвора,
А для меня наступает любимой работы пора.
На свет моей маленькой лампы, в рабочий мой уголок
Приходят родные мне люди со всех городов и дорог.

Строители, хлопкоробы, работники рек и гор
Со мной продолжают долгий искренний разговор.
И каждый хочет по праву увидеть в моих стихах
Свою трудовую славу, творческий свой размах.

Они мне вручили слово, за них я сейчас говорю,
Как пограничник в дозоре, я охраняю зарю.

Я слышу за океаном хищников злобный вой,
Я вижу их черные тени за новой моей зарей...
Грозит посягнуть их стая на мирную эту ночь,
И голосом всей Отчизны я говорю им:— Прочь!

Вам, зачинщики бойни, знайте, не запугать
Вашей атомной бомбой нашу Родину-мать.

Вас, поджигателей, люди сбросят с планеты прочь!
Я говорю вам это, простого узбека дочь,
Я, что июльской ночью бодрствую в тишине
И охраняю землю, давшую счастье мне.

Кремлевские звезды прямо в окошко мое глядят.
Полон благоуханий тихий ташкентский сад.
Прямо у этого сада— новых плотин огни...
Ветер с вершин коммунизма, побед и дерзаний дни!

Я лампу гашу — не надо, мне без нее светло!
Радует сердце поэта, солнце уже взшло.
Лучи его освещают рукопись на столе...
Доброго утра, люди Мира на всей земле!

1950

ЖЕНЩИНА В ПАРАНДЖЕ

Женщин жизнерадостные лица,
Девушки, идущие гурьбой...
Как же я могла не огорчиться,
В этот полдень встретившись с тобой?

Стая птиц над городом резвилась,
Было много света и тепла
В час, когда, как тень, ты появилась,
По цветущим улицам прошла.

Я спрошу, и ты должна ответить,
Я хочу услышать твой ответ:
Где ты подняла обноски эти,
Берегла зачем их столько лет?

Почему же солнце золотое
Спрятано от взора твоего?
Или же лицо твое такое,
Что стыдишься показать его?

Нет, не хуже, чем у многих женщин,
Лик, что скрыт твоею паранджой,
Может быть, на нем загару меньше,
Но ведь ты сама тому виной.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?

Я прошу тебя остановиться,
Посмотреть внимательней вокруг:
Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек — твоих подруг?

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле.

Сеять зерна хлопка на равнине,
А потом тот хлопок собирать,
Покорять безводные пустыни,
Силу рек в сиянье превращать.

Посмотри на лица молодые...
Что же ты проходишь? погоди.
Видишь ты, как звезды золотые
Светятся у многих на груди?

Ты ведь тоже можешь стать такою.
Что же ты идешь и смотришь вниз?
Почему меж счастьем и тобою
Этот черный занавес повис?

Сбрось с лица ты мрак многовековой,
На тебе не просто ведь чачван,
На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман.

Женщина, стой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь, сколько перед нами света?
Видишь, сколько счастья впереди?

1950

С Н Е Г

Как белых вишен лепестки,
Снежинки кружатся в саду.
Белы снежинки и легки,
Земля в снегу, ручьи во льду.
Но даже в этой белизне
Мои все думы о весне.

На крышах снег, на ветках снег,
И солнце с облачной горы
Глядит на новых санок бег,
На игры шумной детворы,
А щеки у ребят красны,
Как розы первые весны.

Под мягким снегом спит земля,
В тулупе белом хлопковод
Обходит снежные поля,
И дням холодным счет ведет,
И видит в серебре воды
Весны незримые следы.

В груди земли живет весна,
В ручьях и в сновиденьях птиц.

Глядит из глаз твоих она
Сквозь снег, коснувшийся ресниц.
Снежинки кружатся, легки,
Как белых вишен лепестки.

1950

• • •

Давно твой взгляд я не ловила взглядом,
Поэт моей души, моей земли;
Давно с тобой мы не сидели рядом,
Беседы задушевной не вели.

А сердце? Сердце позабыть не может
Той книги, где живет твоя любовь.
Едва лишь ветер струны растревожит,
Оно звенит: «Найди ты друга вновь!»

Та сила, что сердца соединила,
Влечет к тебе, не ведая преград.
Хочу я все забыть, но эта сила •
С годами стала пламенной стократ.

О, если бы назло природе, если б
Назло богам и всем врагам на страх
Ты ожил бы и радостно воскресли б
Все наши поцелуи на устах!

Владыка сердца моего! Впервые
Я стала б на колени пред тобой,
Чтобы войти в твои глаза живые
С моей любовью и моей судьбой!

1951

ВЕСНА

Небо ярко-голубое,
Тучки не увидишь в нем.
Вся земля передо мною
Расцветает с каждым днем.

Роща зеленеет снова,
Сад зеленый яснолик.
От тюльпанов степь пунцова,
И не степь она — цветник.

И фиалка молодая,
Расцветая в тишине,
Звонких соловьев скликая,
Говорит им о весне.

Радостным горят рассветом
Неба дальние края.
Над весенним первоцветом
Льется песня соловья.

Заглянуло солнце в горы,
Степи ясные цветут.
Изумрудные просторы
Оживил отрадный труд.

Над землей весны дыханье,
Выйти в поле — самый срок,
На поля идут дехкане,
Их ласкает ветерок.

Черноглазы и румяны
Девушки среди степей,
Словно нежные тюльпаны,
Сердце радуют людей.

В поле хорошо на воле
Встретить золотой восход.
Трактор ходит в вольном поле,
Трактор девушка ведет.

Дышат утренней порою
Сотни, тысячи цветов.
Расцветает все живое,
Нет для чувства берегов.

Видя весь расцвет природы,
Все цветы и все цвета,
Просиял белобородый
Уважаемый ата.

Блещет небо голубое,
Блещет степь. Простор широк.
В час весны прекрасней вдвое
Счастья нашего цветок.

Человек весной моложе,
Ведь душа весной полна.
Наше будущее — тоже
Беспредельная весна.

1951

ЗООТЕХНИК

Нет конца джайлау¹, нет начала,
Как протяжной песенке степной...
Сердце у джигита застучало:
Топот он услышал за спиной.

Знал он: это прискакала снова
Гостя — зоотехник Ойджамал;
Тоже дочка чабана простого,—
Ей колхоз образование дал.

Любит Ойджамал карабаира²
И лавины племенных отар,
Трудится для родины и мира,
Отдавая делу сердца жар.

Молодой чабан был сух и краток
(Только очи черные горят):
«Думаю от каждой сотни маток
Получить сто тридцать пять ягнят».

Верит зоотехник: быть победе!
Есть у парня опыт, мастерство —
И глаза... Глаза его в беседе
Были убедительней всего!

---

¹ Д ж а й л а у — летнее пастбище.

² К а р а б а и р — порода лошадей.

Девушка учила, чуть краснея:
«Овцематок надо побережь.
С каждым днем их бремя тяжелее.
Не гоняй их, кормом обеспечь».

И, баранов глядя без опаски,
На ходу дала приказ она:
«Выделить им лучшие участки,
Где вода чиста, трава сочна!»

«Рад повиноваться, дорогая»,—
Мысленно чабан ей отвечал,
Молча и почтительно шагая
Позади ученой Ойджамал.

Отбыл зоотехник...
Но, пожалуй,
Ей чабан успел шепнуть тайком:
«Чтобы каждый день ты приезжала,
Запружу всю степь молодняком!»

1952

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ВОСПОМИНАНИЕ

Любимая, ты помнишь праздник Мая,
Когда с тобой мы встретились в саду?
Над нами ночь склонилась голубая,
Шептались тихо тростники в пруду.

В струистых сонных водах отражаясь,
Качалась одинокая звезда.
Мы рядом шли, и мне тогда казалось,
Что вместе мы с тобою навсегда.

Была ты в белоснежном длинном платье,
В венке из ранних огнецветных роз.
В ту ночь тебя невестою стал звать я,
Весь свет души своей тебе принес.

Как струны, нам под ветром волны пели,
Звенели, ударяясь в парашет.
На ветках соловьи роняли трели,
И сердце откликалось им в ответ.

В траве луны серебряные слитки
Сверкали под горой у наших ног.
Мне не забыть прощанье у калитки...
Не знали мы тогда с тобой тревог.

Сейчас, любимая, я от тебя далеко.
Вокруг меня в дыму лежат снега.
Сил не щадя в сражениях жестоких,
Повергнуть в прах поклялся я врага.

Бесстрашно встал я на переднем крае
Своей отчизны, честь ее храня.
Пиши на фронт мне чаще, дорогая,
Не плачь напрасно, помни про меня.

2. ВЕРНОСТЬ

Мой друг, твое письмо издалека
Доставила мне почта полевая.
В нем дышит лаской каждая строка,
Правдивая, сердечная, живая.

У нас весна... Лежат в цвету долины.
Прозрачна даль, спокойна и ясна.
Над нашим садом стала голубиной
Твоих родных небес голубизна.

На берегу пруда, где были встречи наши,
Пылают розы заревом зарниц.
Роса звенит в их лепестковых чашах
От дружных криков перелетных птиц.

В саду с твоею маленькой сестренкой
Мы бережно растим твои цветы.
В ее чертах, задумчивых и тонких,
Легко узнать, мой друг, твои черты.

В аллеях там, ко мне склоняя ветви,
Твоим дыханьем дышат тополя.

Твои слова мне повторяет ветер,
Твои следы там бережет земля.

Разлука долгодневная скрепила
Любовь и дружбу нашу навсегда.
Тебе верна по-прежнему я, милый,
Твоим гвардейским мужеством горда.

Вниманьем и заботой неустанной
В селенье я своем окружена.
Везде и всюду ты со мной, желанный,
Моя душа всегда тобой полна.

Рассвет в полях с бригадою встречая,
Хочу я, чтоб, подхвачена молвой,
Моя сравнялась слава трудовая
С твоей могучей славой боевой.

1944

ТАДЖИКСКИЕ СТИХИ

I

На крыльях ветерка, с приветами, с цветами
Узбекистанскими, в Таджикистан к друзьям
Спешу, спешу... И наконец я с вами,
Вершины гор, что встали к облакам.

Меня сама заря встречала у вагона,
На пиках снежных гор рубинами горя;
На город засмотрелась я влюбленно,
Он молод был и светел, как заря.

О город юности, отваги и дерзанья,
Живой, как со скалы сбегающий поток!
На величавые твои люблюсь зданья,
На ровные лучи твоих дорог;

На желто-розовый прозрачный пламень сада,
Где ранней осени атласная пора...
Старик, укрывши корни винограда,
Мне рассказал, каким ты был вчера.

Разгладив бороду белей снегов Памира,
Гордясь своим трудом и радуясь судьбе,
Садовник рассказал мне красочней шаира¹,
Как городом стал старый Дюшамбе.

---

¹ Шаир — народный поэт.

«Что было раньше здесь? Развалин
древних глина,
Безрадостная пыль, нещадный солнцепек,
На улочках верблюдов казался исполином,
Но осенью и он тонул в грязи дорог.
Что мы видали здесь? Нужду и скорбь видали,
Бред лихорадочный, трахому и цингу;

Три дерева на площади торчали,
Но тень от них была всего с таньгу¹».

Садовник поднял взгляд на город, озаренный
Сиянием земных, людьми зажженных звезд,
На тополей пирамидальных кроны,
Поднявшихся во весь могучий рост.

Своими добрыми и мудрыми руками
Он этот город-сад лелеял и растил.
И город щедрыми, чудесными дарами
Садовника сегодня наградил.

II

Песне-страннице на месте не сидится,
Все ей — путь, движенье, непокой.
Вот она качается, как птица,
Над седой вахшскою волной.

Перед ней громадой величайшей —
Скалы, скалы в синем блеске льдин,
А внизу тюльпаны, словно чаши,
На альпийском бархате долин.

---

¹ Т а н ь г а — монета.

Караван зеленый тополиный
По дороге к городу идет...
В горном сердце, в высоте орлиной
Ручеек серебряный поет.

Песне той на легких крыльях мчатся,
Узнавать следы богатырей,
Созидателя-народа счастье
Здесь, в стране таджиков,— перед ней.

Люди дерзко раскололи гору,
Надвое громаду рассекли.
И открылся радостному взору
Света путь во все края земли.

А в горах средь ледяных алмазов,
На Варзобе, в новом городке,
Девушка, смугла и черноглаза,
Держит силу света в кулачке.

С пульта глаз не сводит чаровница,
Мастерица золотых чудес.
Новый свет по проводам струится
К городу из этой горной ГЭС.

Вот и песня тихо опустилась
К маленькой горянке на плечо,
Отраженным светом засветилась,
Улетела, став сама лучом.

А в сияющей долине Вахша,
В той, что хлопка белого полна,
Мне припомнилась родная наша,
Хлопковая наша Фергана.

Хороша земля Таджикистана,
Мне б певцам завидовать ее,
Если б не краса Узбекистана —
Вдохновенье светлое мое!

III

Над заснеженным пиком Памира
Кумачовый вздымается флаг.
Этот флаг для трудящихся мира,
Для народов — свободы маяк.

И с надеждою братья с Востока
Сквозь снега, в непроглядной ночи,
Видят, как над горами высоко
Блещут нашего флага лучи.

А под флагом, вся полная света,
Созиданья и песен пора.
Собрались хлопкоробы, поэты,
Замечательных дел мастера.

Тут душою нельзя не согреться,
Доброта и внимательность тут,
И слова, что от самого сердца
Прямо к сердцу другому идут.

Тут узбекская песня — не гостья,
А любимая с детства сестра.
Как у нас — винограда здесь гроздь,
Как у нас — здесь природа щедра.

Потому мы друг другом любимы,
Что под солнцем одним рождены,

Что скрепляем трудами своими
Книгу дружбы Советской страны.

IV

И в сумеречный час, когда осенней мглою
Окутаны верхушки тополей,
Я уезжаю, расстаюсь с тобою,
О город дружбы радостной моей.

И сердце полнит сладкое волнение
Внезапных расставаний, новых встреч.
Родной земли огромно притяжение,
И как любовь к ней в сердце не беречь!

Но знаем, нет для песни расстоянья,
Коль зазвенит — услышите, друзья!
И в час, когда придут воспоминанья,
То в Душанбе отправлю песню я.

1952

КРАТКАЯ ВСТРЕЧА

Ты сообщил: «Лечу в твои края,
Ко мне навстречу выйди, сделай милость!»—
И я в глаза сплошные превратилась,
И в воздух поднялась душа моя.

И поняла твоя стальная птица,
Что непреклонен двух сердец приказ,
Что мимо пролететь на этот раз
Ей не удастся: надо приземлиться!

Тебя от солнца я оторвала,
К самой лазури прикоснулись руки,
И сразу я забыла о разлуке:
Так наша встреча радостна была.

Скажи, ты понял, что свиданье наше
На мир полоской света пролилось?
Ты понял ли, что черный блеск волос
Становится от светлой пряди краше?

На полуслове речь оборвалась;
Мгновенья краткой встречи пролетели;
Но в двух сердцах две трепетных свирели
Не прерывали праздничную связь.

Ты улетел; но, грустный и горящий,
Твой взгляд остался в сердце у меня.
Что может быть сильнее того огня,
Которым полон взгляд животворящий?

1953

ИДУ Я ГОРОДОМ РОДНЫМ

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная вереница
Все время катится певучею рекой.

Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне знаком.
Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем:

Красу грядущего приблизить к нашим будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.
«Где близкие мои в потоке многолюдном?»
И солнце ласково сказало мне в ответ:

«Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все те, кто выбрал путь боренья и любви,
Все те, которыми я для труда проснулось,—
Вот близкие твои, товарищи твои!»

И мне представилось:

там, на подъемном кране,
Туркменка трудится, и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане —
Как солнцу светлый гимн, что девушка поет!

И мне представилось: там, на реке Сибири,
Электростанцию возводят мастера,
Чтоб свет грядущего сиял вольней и шире,—
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,
и сердце так похоже
На карту Родины!
Как ни был бы далек:
В тайге или в степи, суровый иль пригожий,—
Но дорог, близок, мил мне каждый уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?
Приходит песня к ним, чтоб ярче разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.

Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но родных;
Они живут во мне.
И счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой скромный стих.

1954

МАРТОВСКИМ УТРОМ

Румяная, над снежными горами
Заря восходит, разгоняя тень.
Весенним утром с первыми лучами
Моя столица начинает день.

На тротуарах лужи просыхают,
Отсвечивая блеском золотым.
И спутница меня перегоняет:
Спешит она к ученикам своим.

Профессор — дочь узбекского народа,—
Она открыла тайны древних гор,
Ее лицо в сиянии восхода,
И глубь земли ее пронзает взор.

Она годами горы изучала,
Вершины, перевалы их прошла.
И редкие сокровища металла
Она, досель сокрытые, нашла.

Она спешит, чтоб передать студентам
Секрет своих открытий и побед.
И ветер странствий солнечным Ташкентом
Летит по улице за нею вслед.

А горы белоснежные, сверкая,
Торжественный приветствуют восход.
У их подножья корпуса вздымая,
Металлургический гудит завод.

О, как она звучна и величава,
Победы песня над родной землей! *
А в песне этой и твоя есть слава,
Моя подруга, друг чудесный мой!

1955

НЕ ПРОЙТИ ВОЙНЕ!

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег!
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила пушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой чистый и родной,
Ты к себе привлек друзей сердца,
Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «Война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье: друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их нежней,
С материнской ласкою страна.

Как отец, трудясь из года в год,
Я детей лелеяла как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
«На мои ты плечи обопрись»,—
Говорит он Родине и мне.

Я всего лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: «Сгинь, война,
Сын мой нужен Родине и мне!»

Не хочу я, чтоб сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:
«Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!»

1956

С В Е Т

Уходя, сказала мать седая:
«Дочка, спи!»— и погасила свет,
Но земля, по-прежнему сверкая,
Мне дарит и запах свой и свет.

Разве не со мною мир широкий,
Даже если комната темна?
Разве могут не светиться строки,
Если вся душа озарена?

Мама, не зажгу я лампу снова...
Тот, о ком поведала ты мне;
Тот, кто для меня родней родного,
Светит мне, как светит всей стране.

Нас, детей, учила ты: «От века
Не было подобных Ильичу!»
Он возвысил званье человека,
Я его путем идти хочу.

В тюрьмах, в ссылке, сам лишенный света,
Он из искры пламя добывал,
Чтобы вся земля была согрета,
Чтобы день для всех людей вставал...

Грозные прошли десятилетия,—
Этот свет в моих глазах живет,
Чтоб могла в грядущее смотреть я
И по жизни двигаться вперед.

Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет.
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

1957

ТЕБЕ, ЕГИПЕТ!

Мне хочется запеть — да будет песнь крылата!—
Но слов я не найду, волнением объята.

Мы, Средней Азии горячие сердца,
Египту песнь поем, приветствуем борца.

Меж нами пролегли моря и горы мира,
Но рядом встал Ташкент, как друг и брат Каира.

Оковы разорвал познавший волю раб,
И стал хозяином своей земли араб.

Для счастья трудится сирийка, египтянка,
Певунья Азия и Африка-смуглянка!

Я видела народ, что всюду знаменит,
Я видела тебя, бессмертный Порт-Саид.

Я видела твой прах, суровый, величавый,
Я видела твой стяг — то был тюльпан кровавый.

Окрасила его твоих героев кровь,
Погибших за тебя, в тебе оживших вновь.

Пред павшими в борьбе я голову склонила,
И мне послышалось сердцебиенье Нила;

Со мною говорит, свободою дыша,
Египта древнего прекрасная душа.

Что породило нас? Как стало милым, близким
Искусство Бухары умельцам аравийским?

С громадой пирамид что сблизило Памир?
И я слышала одно лишь слово: «Мир!»

За что мы боремся отважно и открыто —
Детей и матерей опора и защита?

Сказала мне Москва, ответил мне Каир:
«За то, что нужно всем, и нам и вам,— за мир!»

1957

ВЕЛИКОЕ РОЖДЕНИЕ

Садилось солнце где-то за горой,
Как будто после дня трудов устало.
На поле предвечернею порой
Приезжий гость увидел аксакала.

Работа спорилась у старика
В руках, что были крепче твердой стали,
И хлопка вороха, как облака,
У ног его послушно замирали.

Не одолели старика года,
Не сгорбили дни горестей и боли.
На грудь его спадала борода
Белее хлопка, что сушился в поле.

Бросало солнце свой осенний свет,
За дальнею горою догорая..
«Скажите, мистер, сколько есть вам лет?»—
Спросил приезжий из чужого края.

И аксакал сказал ему в ответ:
«Жизнь — это свет, и счастье, и свобода.
А потому мне только сорок лет —
Я начал жить с семнадцатого года!»

1957

ЧАСТИЦА СОЛНЦА

Настала на собрание та минута,
Когда чачван с себя сняла она,
И бросила, и засняла будто
От туч освобожденная луна.

Она, согретая душевным словом,
Пошла домой по улице, туда,
Где все каким-то незнакомым, новым
И сказочным казалось ей тогда.

Она навек запомнит скрип калитки,
И злую тень отцовского лица,
И брошенный хурджун¹ — ее пожитки,—
И вместе с ним проклятие отца.

Но все же не свалил ее ударом
Ни крик отца, ни материнский стон.
Огонь великой истины недаром
В девичьем сердце был уже зажжен.

Пред молнией бессильны даже горы:
Ни кручи скал, ни их извечный лед
Не в силах погасить огонь, который
Та молния в самой себе несет.

---

¹ Хурджун — переметная сума из ковровой материи.

- И девушка пошла навстречу свету,
• Прочь от старья, от мрака и беды.

Наверно, так же вдале летит комета,
Навеки отрываясь от звезды)
Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Она сейчас чуть-чуть уже седая,
Усталая по улице идет.
Как в дни былые, дочь свою встречая,
Старик отец дежурит у ворот.

В ее глазах огонь неугасимый...
Старик запомнил: много лет назад
В тот горький день у дочери любимой
Таким же пламенем светился взгляд.

- Давно и сам уж понял он, что эта
• В глазах людей горящая заря
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября.

1957

ЗАВИСТЬ

Колышется река передо мной,
Так много жизни в этом колыханье.
Река сверкает солнцем и весной,
Живительно для нас ее дыханье.

И это зависть вызвало во мне?
Подобен океану мой народ,
А речка, что скрывать, не многоводна,
Где ей положено, там и течет,
А я по всей земле пройду свободно.

Так что же зависть вызвало во мне?
Но от реки я глаз не оторву,—
Вскипают волны, пенятся в избытке,
Они вобрали неба синеву,
В них блещут солнца золотые слитки.

Щебечут птицы над водой реки,
Им по сердцу волнистые качели.
Коснувшись влаги свежей, ветерки
С ее прохладой в город полетели.

Не это зависть вызвало во мне..
Живое пламя в сердце у меня,
В нем есть любовь и ненависть святая:
Ведь я сама возникла из огня.

Дочь солнечного, огненного края.
Так что же зависть вызвало во мне?

Слежу я долго, жадно за водой,
Мне глиняная видится ограда.
Держа кетмень в руках, старик седой
Поит речным потоком землю сада.

Косичек влажных льется серебро,
Вода струится по земле душистой;
Моя душа, чтоб с ней творить добро,
Стремится к ней, к такой простой и чистой.

Девчонка пригоршнями из реки
Пьет воду... Как мне хочется, чтобы каждый,
Чье сердце зажжено высокой жаждой,
Испить пришел бы из моей строки!

... Так вот что зависть вызвало во мне!

1958

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора.
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!
Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются и строки,
И чувства, и слова.
Чьи краски ярче? Глубже описание?
Чья мысль остра?
Звенит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!
Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен,
А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,

То песню девушек индийских,
То птиц, неведомых, но близких,
Пленительные голоса.
Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушонра!
На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напоминал по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде тянется и к свету.
Да, в втом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары,
Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.
Обычай Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.
И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!
Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану —
Надену их, пойду по Индостану!
Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом;
На этих — пыль Китая; а Иран
С Цейлоном оказались рядом;
Монгольский сапожок — с пенджабским
каблучком.

Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмадом.
Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.
Седоволосый, с юными глазами,
Что помнит Индию, облитую слезами,
Что видит радостный ее расцвет,—
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?
Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзанье.
Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!
Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит он
слабо,
В нем сила матери и честь борца...
Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней.
И ветры, вырывая из сердец

Созвучья, уносили их далеко,
И Запад к миру звал певец
И счастье возвещал земле Востока.
С поэтов сикхи не сводили глаз,—
Богатыри, что в битвах тверже стали;
Как пламя черное, их бороды сверкали;
Бенгальцы слушали с волнением нас,
В одежды белоснежные одеты...
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставляли, как мосты,
Для нашей дружбы, нашего сближенья —
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.
О вечер Индии! О песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биенье всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире.
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В боренье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...
Ты — весть о хлебе, благе и покое.
Не шутка, не игра —
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!
Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.
Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жилие,

Их книги — жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье — битва за нее.
Пусть примут все, кто трудится, участие
В соревнованье наших голосов;
Пусть все, кто сеет, все, кто строит
счастье,

Услышат этот зов.

Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.

Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.

Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

1958

НАВСТРЕЧУ ПЕСНЕ АЛАТАУ

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало?
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало?

Пора, как ветру, мне начать полет,
Пора мне обратиться в слух и зренья,
Чтоб видеть, слышать, как земля поет
И превращается в стихотворенье!

Уму и сердцу нужен ли покой?
О Алатау, я покой разрушу!
Вот песня льется горною рекой —
И я навстречу ей открою душу.

1962

ТЮБЕЙКИ С ПУШИСТЫМИ СУЛТАНАМИ

То ли дождик весенний блестит на камнях и струится,
То ли быстрые рыбки резвятся в объятьях речных,
То ли с песней выходит Куляш — дорогая певица,
То ли в сердце поэта крылатый рождается стих?

Приближается музыка, людям даруя веселье,—
Это к нам приближаются девушки пестрой гурьбой.
Как нежны, как задорны, игривы глаза их газели,
Это степи весной, это сам Казахстан молодой!

На овальных щитках тюбетеек пушисты султаны,
В черных косах — монеты: подвесков звенит серебро.
Перья филина, эти султаны,— как сон несказанный,
Чтобы их описать, Ауэзова нужно перо!

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками платья,
Будто выросли чудом на тропке засохшей цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Это семь лебедей белоснежных, властительниц края,
Величаво плывут по воде, что воспета певцом.
Молодой мой товарищ, от страсти рассудок теряя,
Хочет взяться за весла, наняться в лодку гребцом.

Слишком грубы слова, и спросить я пытаюсь глазами:
«Чудо-лебеди эти откуда плывут и куда?»
«Из колхоза — к друзьям». А друзья, понимаете сами,—
Те орлы молодые, которые ждут их всегда.

Юный друг мой в отчаянье... Семь сновидений румяных
В семь сторон устремляются, будто бы семь ручейков...
Долго буду я помнить об этих пушистых султанах,
О чудесном уборе, оставшемся с давних веков.

Понимаю: как видно, красавицы эти в наследство
Получили изысканный вкус от своих матерей,
Поэтичную душу, способную с малого детства
Ощущать красоту, от которой на сердце теплей.

Если вызвать хотите повсюду восторг или зависть,
Непременно наденьте казахский народный наряд,
И царицей вы станете алмаатинских красавиц,
Вы услышите, как с восхищеньем о вас говорят.

В раннем детстве и я тюбетейку с султаном носила,
Я добром поминаю мою незабвенную мать,
Что меня уважать и ценить красоту научила
И обычаи наших друзей всей душой понимать.

1962

ЧАРОДЕЙСТВО ОБЛАКА

Не нравились мне раньше облака,
Я не стремилась в сеть небесных кружев,
Но в Казахстане так она легка,
Что трепещу, волнение обнаружив.

Не гладила рукой на гребнях гор
Я облаков разорванные клочья.
Ужели облаками с этих пор
Мне умывать лицо и днем и ночью?

Пусть превратится в шелковый платок,
Пусть облако окутает мне шею,
Пусть арфой обернется — весь Восток.
Я песнями очаровать сумею!

Живительной, как солнечный восход,
Пусть напоит меня водой сырою,
Пусть для меня из радуги сошьет
Цветной камзол узбекского покроя.

Когда душа не хочет мятежа,
Стремительное облако мятежно,
Когда же закипит моя душа,
Оно прильнет ко мне светло и нежно.

Когда вершина станет мне мила,
Оно от глаз моих вершину спрячет,
Нависнет, если захочу тепла,
Повеет холодом, дождем заплачет.

То ходит по земле, как пешеход,
То в озере, как чели, плавает, не тонет,
Его не принимает небосвод
И от себя земля сурово гонит.

О пасынок, твоя игра
Бесмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.

Мир засверкает шире и светлей,
Земной простор не будет затуманен.
Ты сделаешься нужным для полей,
Не чародей, а хлопкороб-дехканин.

Из чар твоих я вырвусь. Мы пойдем
С тобою по моей земле. Отныне
Пролейся ливнем теплым, стань зерном,
Раскройся хлопком на родной равнине!

Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги.
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!

1962

Видишь, сердце пылает, как солнце в полуденной хвое?
Я хочу, чтоб слова получили закалку в огне,
Чтоб согрело людские сердца это пламя живое,
Что сегодня зарделось во мне.

Люди здесь, на горе, крепкогруды и схожи с орлами,
Их глаза — как родник, жаркий взгляд задушевен, как
друг.
Их молчанье — молчанье вулкана, а песня — как пламя,
Что из кратера вырвалось вдруг.

Кокчетау! Кумыс мне твои предложили вершины.
Что за райский напиток, в нем юная сила жива!
Я в траву погрузилась — и сразу исчезли морщины,
Чуть ко лбу прикоснулась трава.

Эти белые девичьи юрты покинуть мне жалко,
Материнское пенье домбры с моим сердцем слилось.
О мой друг, без меня ты машину отправь нль русалкам,
Чтоб катались, ты в озеро брось!

Никуда я из этого рая теперь не уеду,
Без меня состоится торжественный пир и прием!
Надо с озером-зеркалом нашу продолжить беседу,
Мы с березами день проведем!

Но взглянул наш хозяин глазами косога разреза,
В них решимость. Стоит он скалой, что не может упасть!
«Нас в ауле читатели ждут,— голос тверже железа,—
А у них над поэзией власть!»

Уезжаю, но здесь мое сердце, а вместе со мною —
Сердце свежего, светлого края, где радостно жить.
Я завидую песне, что сложена горной страной,
Мне бы тоже такую сложить!

1962

ВЕЧЕР НА БАЛХАШЕ

День отдыхает, устав от гостей и забот,
Сумрак плывет над Балхашем.
Сердце мое, вместо солнца, пусть ярко сверкнет
В тихом убежище нашем!

Разве ты спрятало, солнце, от нас красоту,
Звонкое золото света?
В сердце моем — это озеро, горы в цвету.
Краски нарядного лета.

Можно ли думать о сне в живописной стране
Песен и щедрого слова?
День подарил меня влаге вечерней, и мне
Участь мила рыболова.

Льется, как сталь Темиртау, к подножью горы
Этот Балхаш, это чудо!
С юртой акына сравню я рыбацьи костры,
Волны — с горбами верблюда.

Рыбу вспугнуть я боюсь, будто слово; вот так
В муках рождается строчка.
Свежий кумыс предлагает мне старый рыбак:
«Выпей, поможет он, дочка!»

1962

Все здесь твое. Наше счастье придет, погоди,
Скоро с добычей мы будем».
Рыбкой трепещет волна, сердце бьется в груди...
Счастье так надобно людям!

Тропка луны золотится у нас на глазах,
В озере ширится зябко.
«Гостья, добычу бери!» — говорит мне казах.
Что там на удочке? Рыбка!

Но чешуей — серебром древних денег блестя,
Горькой полна укоризны,
Смотрит она так беспомощно, будто грустя
И умоляя о жизни.

Друг мой рыбак, ей свободу вернуть разреши:
К озеру тянется рыбка,
Словно к любимому, к волнам смятенной души,
Нежной подруги улыбка.

Пусть моя песня засветится, как чешуя!
Глянув на лунную воду.
Рыбку заметишь — так знай: это песня моя,
Дай же ей, рыбке, свободу!

«Ладно, — рыбак говорит. — Но тогда сотвори
Песню такую, как это
Чистое озеро в блеске вечерней зари,
В золоте лунного света!»

1962

УДОЧКА

Мой Казахстан, ты, волшебством
Взяв удочку, забросил.
Не рыба я. Во мне огнем —
Лучей горящих россыпь.

И я на удочку любви
К тебе сама попалась
И здесь в кипенье чувств творить
Из солнца песню стала.

Распутав леску, соткала
Слова про край чудесный.
Я б в юрту белую вошла,
Чтоб в ней остаться песней...

1962

Да, в чертах твоих — жизнь и высокое чувство
Счастья, мира, труда и расцвет бытия.
Напишу твой портрет: мне помогут искусство
И рабочая слава твоя.

1961

В ОКЕАНЕ

Океан. Пароход. Светлый, радостный час.
А на пальмах — гляди — обезьяны.
Словно тысячу глаз, солнце смотрит на нас,
И в сердцах — этот свет несказанный.
Вновь мы стали детьми у природы в плену.
Нет, не выпустит нас чаровница!
Песня льется, несет за волною волну.
Что ж молчишь ты? Молчать не годится!

Эта песня — как знамя, чей зыблется шелк,
Это — друг, что беседует с другом.
Мой земляк, мой товарищ, зачем ты примолк?
Почему ты охвачен испугом?
Ты, нахмурясь, не слушаешь песни слова,
А слова подозрений так праздно.
Видно, ты позабыл, что давно я вдова,
И твои подозренья напрасны.

Не позволит он мне — тот, кто в сердце моем, —
Увести тебя тропкой тревоги,
Чтоб детей ты покинул, оставил свой дом...
Нет любви, нет на этой дороге!
Подозренье, ты мне угрожай, как прибой,
Берег бурной волной рассекая,

Но смотри, я стою, как скала, пред тобой,
Я сильнее, чем буря морская!
Я останусь такой, как все эти года.
Пусть же мчится вода океана,—
Тот, кто в сердце моем, не умрет никогда,
Он со мною всегда, постоянно.

1961

О С Е Н Ь

Вот и осень... Но я не прошу об участие.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется счастье,—
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода!

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым.

Пели песню мою близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне...
Если завтра мои прочитаете строки,
Пусть вам светит, как пламя, рассказ обо мне.

1961

ДЕРЕВО

Одинокое дерево гнулось под ветром.
Тот пытался его повалить, поломать,
Он сорвал с него листья и днем неприветным
Наступление начал опять.

Истекало, бессильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля,
Ветер бил его в злобе своей непреклонной,
И от боли вздыхала земля.

И свалилось оно и не взвидело света,
И осеннему ветру открылись пути...
Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

1961

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.

Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась,
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.

Арабы нам сказали всех ясней —
Они слывят недаром мудрецами,—
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.

Но если расстояние велико,—
Мне мысль арабов кажется бесспорной,—
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!

Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу, подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.

Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак,
Твое смятенье и твое горенье!

Мне, капле, что почет и не почет?
Для капли место — на листе и в чаше.
Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.

Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом,
Будто чего-то, что всегда искал,
Не достает, а быть могло бы рядом.

Исчезнет все, чем жизнь была пьяна.
Себя почувствуешь ты одиноким.
Протянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.

Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья,
На дне бокала капелька живая!

Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит дотла,
А наслаждением не очарует.

Кто эта капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?

Иль то любви пугливой, робкой дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?

Что б ни было, но эта капля я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись, прозрачного питья
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.

1961

СЕРДЦЕ ВСЕГДА В ПУТИ

Я двигаюсь водным, земным и воздушным путем.
Державы, поля, города, кишлаки пролетели.
Земля расстилается пестрым лоскутным шитьем:
Различны привалы, дома, и раздумья, и цели.

Со мной мои спутницы: песня, мечта и любовь.
Всегда я в пути, как земля, как родная планета.
И даже во сне отправляюсь я странствовать вновь,
В постели, как в лодке, стремлюсь я к причалу рассвета.

Пусть время спешит, нам стреножить его не дано.
К деяньям людским тяготею земным притяженьем.
О чем ни пишу, все движением жизни полно,
И движется сердце мое непрерывным движеньем.

1964

СОДЕРЖАНИЕ

Я пою зарю. <i>От автора.</i>	5
Здесь родилась я. <i>Перевод В. Державина</i>	13
Садовник далеко. <i>Перевод С. Сомовой</i>	16
Золотая осень. <i>Перевод С. Сомовой</i>	18
Сюзане. <i>Перевод С. Сомовой</i>	20
Фархадом звался он. <i>Перевод Л. Хаустова.</i>	22
Признание. <i>Перевод С. Липкина</i>	31
Звезда. <i>Перевод С. Липкина</i>	33
Пришла весна, спрашивает о тебе. <i>Перевод</i> <i>М. Алигер</i>	34
Моя печаль, твоя беда. <i>Перевод С. Липкина</i> . . .	37
«Мой друг, ты спишь в земле...» <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	38
Зацвел урюк. <i>Перевод К. Симонова</i>	39
Навстречу. <i>Перевод С. Сомовой</i>	41
Невеста. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	43
Сирень. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	45
Мечта. <i>Перевод С. Липкина</i>	46
На мосту. <i>Перевод С. Сомовой</i>	48
В сосновом лесу. <i>Перевод С. Сомовой</i>	50
Две подруги. <i>Перевод С. Сомовой</i>	52
Соловей. <i>Перевод С. Сомовой</i>	56
Моей подруге. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	57
Доброго утра, люди мира! <i>Перевод С. Сомовой</i> .	60
Женщина в парандже. <i>Перевод Н. Гребнева</i> . . .	62
Мать. <i>Перевод С. Сомовой</i>	65

Снег. Перевод С. Сомовой	67
«Все прекрасное, святое...» Перевод С. Липкина .	69
«Давно твой взгляд я не ловила взглядом...» Перевод С. Липкина	70
Весна. Перевод Н. Ушакова	71
Зоотехник. Перевод Р. Морана	73
Два стихотворения. Перевод Л. Кондырева	75
Таджикские стихи. Перевод С. Сомовой.	78
Краткая встреча. Перевод С. Липкина	83
Иду я городом родным. Перевод С. Липкина	85
Мартовским утром. Перевод С. Сомовой	87
Не пройти войне! Перевод С. Липкина	89
Свет. Перевод С. Липкина	91
Тебе, Египет! Перевод С. Липкина	93
Великое рождение. Перевод Н. Гребнева	95
Частица солнца. Перевод Н. Гребнева	96
Зависть. Перевод С. Липкина	98
Мушоира. Перевод С. Липкина	100
Навстречу песне Алатау. Перевод С. Липкина	105
Тюбетейки с пушистыми султанами. Перевод С. Липкина	106
Чародейство облака. Перевод С. Липкина	108
Кокчетау. Перевод С. Липкина	110
Вечер на Балхаше. Перевод С. Липкина	112
Удочка. Перевод Б. Пармузина	114
Портрет, который я еще должна написать. Перевод С. Липкина	115
В океане. Перевод С. Липкина	116
Осень. Перевод С. Липкина	119
Дерево. Перевод С. Липкина	120
Капля. Перевод С. Липкина	121
Сердце всегда в пути. Перевод С. Липкина	124

ЗУЛЬФИЯ

(Зульфия Исраилова)

ЖИВОЙ ДОЖДЬ

Лэрика

Редактор *Б. Пармузин*

Художник *Э. Исхаков*

Художественный редактор *П. Мудрак*

Технический редактор *Л. Ильина*

Корректор *С. Ветрова*

Сдано в набор 24/VI-65 г. Подписано к печати 31/VIII-65 г. Формат 70×90¹/₃₂. Печ. л. 4. Усл. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,91. Индекс: поэзия. Тираж 10000. Р 03155. Издательство художественной литературы «Ташкент». Ташкент, Навои, 30. Договор № 126—65.

Отпечатано в типографии № 1 с матриц Специализированной наборной фабрики Государственного Комитета Совета Министров Узбекской ССР по печати. Ташкент. Хамзы, 21, 1965. Заказ № 681. Цена 34 к.

Уз2
З—93

Зульфия.
Живой дождь. Лирика. Т., «Ташкент», 1965.
стр. 128. Тираж 10 000.

З—93